

Съ отчаяньемъ въ груди, съ растерзанной душою,—
 Въ послѣдній разъ тогда горячею слезою
 Ты орошалъ, Адамъ, адемскіе цвѣты.
 Безчувственъ, полумертвъ, у вратъ повергся ты,
 Въ послѣдній разъ взглянулъ на милое селенье,
 Гдѣ счастье ты вкусилъ, пріялъ твое рожденье,
 Услышалъ ангеловъ поющихъ сладкій хоръ—
 И, отвортивъ главу, склонилъ печальный взоръ,
 Еще невольно разъ къ адему обратился,
 Заплакалъ, зарыдалъ, и быстро удалился...

О, жертва бѣдная раскаянья и мукъ!
 Какому пѣнію внималъ твой робкій слухъ?
 Могло-ль что выразить порывъ твоихъ волненій
 При видѣ мѣстъ едва минувшихъ наслажденій?
 Увы, потерянный прелестный вертоградъ!
 Ты въ душу падшаго вливалъ невольно ядъ.
 Полна волшебнаго о счастьѣ воспоминанья,
 Она, какъ тѣнь, въ жару забвенья и мечтанья,
 Перелетала вновь въ завѣтные сады
 И упивалась вновь всѣмъ блескомъ красоты;
 Но исчезали сны, и пламенные розы
 Адамовыхъ ланить, какъ дождь, кропили слезы...
 Когда прошедшее намъ сердце тяготить,
 И настоящее отрадою не льститъ,—
 Мы жаждемъ болѣе счастливаго удѣла.
 Тогда желанія бываютъ безъ предѣла;
 Мы въ мысляхъ воскресимъ блаженство прежнихъ дней,
 И снова вспыхнетъ огонь погаснувшихъ страстей.
 Таковъ былъ жребій твой, въ жестокой часъ паденья...
 Увы, и я испилъ изъ чашы злослуженья,
 И я, какъ ты, смотрѣлъ, не видя ничего,
 И также быть хотѣлъ толковникомъ всего.
 Напрасно я искалъ сокрытаго начала,
 Природу вопрошалъ—она не отвѣчала.
 Отъ праха до небесъ парилъ мой гордый умъ
 И—слабый—ниспадалъ, терялся въ безднѣ думъ.
 Надеждою дыша, увѣренностью полный,
 Безстрашно разсѣкалъ я гибельныя волны
 И истины искалъ въ совѣтахъ мудрецовъ;
 Съ Ньютономъ я леталъ превыше облаковъ
 И время оставлялъ, строптивый, за собою,
 И въ мракахъ дальнихъ лѣтъ я бодрствовалъ душою.
 Во прахѣ падшихъ царствъ, въ останкахъ вѣковыхъ